

Михаил Эпштейн
САТАНОДИЦЕЯ

РЕЛИГИОЗНЫЙ СМЫСЛ РУССКОЙ ИСТОРИИ
ПО ВЛАДИМИРУ ШАРОВУ

Будто мул на веревке,
мы вечно ходим по кругу собственного греха,
меля муку, крутим и крутим жернова.
Дядя Юрий — Коле. «Возвращение в Египет»

Без властной вертикали России трудно...
Как волчок, ее держит круговое вращение.
...В идеале чекист исповедуется священнику,
который, закольцовывая конструкцию,
в свою очередь, его сексот.
Прочность, на равных — герметичность
такой фигуры выше всяких похвал.
Дядя Святослав — Коле. «Возвращение в Египет».

Это ведь тогда революция началась,
тогда первый раз все перевернулось.
Но им в те годы казалось, что это не шар,
не мяч, который катиться будет,
катиться и катиться, — а просто кубик:
перевернется он с одной грани на другую
и станет, будто вкопанный.

«Мне ли не пожалеть...»

Религиозные искания русской истории, как они представлены в романах Владимира Шарова, долго не умещались в моем сознании, вызывая головокружение. Но с последним романом «Царство Агамемнона» многое прояснилось, и девять шаровских романов теперь предстали как единое целое.

Головокружение при чтении Шарова возникает не случайно. Через все его образы русской истории проходит

одна и та же фигура вращения, которую можно назвать шаровской «мельницей» (да и сама фамилия писателя словно предзадана его сюжетам и содержит все тот же образ). Это «волчок», «круговое вращение», «закольцевать конструкцию», «ходить по кругу собственного греха», «крутить и крутить жернова», «шар, мяч, который катиться будет, катиться и катиться»...

Сатана как спаситель

Все шаровские романы ставят читателя перед немыслимо сложным вопросом, на который, тем не менее, обычно дается ясный ответ. Какова главная идея иудаизма и христианства? — Спасение. От смерти, от греха, от рабства, от ада: получить прощение у Бога и войти в Его царство. Отсюда и напряженное ожидание Спасителя, Мессии. Самый прямой путь спасения — принять наибольшее страдание безо всякой вины, то есть повторить мистерию Христа, отдать себя, как безгрешного агнца, на заклание.

А дальше в логике шаровских героев, действующих как будто по внушению Священного Писания, совершается удивительный теологический выверт. Тот, кто мучает и убивает невинных людей, оказывает им наивысшее благо, поскольку сразу отправляет их в рай. Самые грозные властители и мучители вроде Ивана Грозного и Сталина — наибольшие благодетели человечества, поскольку одаряют тысячи своих жертв исходом в блаженную жизнь. Конечно, все люди в той или иной степени грешны, но ведь убивают их за то, что грехом не является: за классовое происхождение, чтение философов-идеалистов, — или за несовершенные преступления, например за сотрудничество со шведско-японской разведкой или прорыве тоннеля в Индию. А то и просто ради статистики. Тем самым все грехи, совершенные ими в жизни, с них снимаются, и, как невинные мученики, они прямоком отправляются в рай.

Словами своего персонажа — богослова и историка Сметонина из его работы «Опричное право» — автор поясняет эту странную теологию искупления:

Грозный объясняет Курбскому, что жизнь есть юдоль страданий, оттого те, кто им, помазанником Божиим, царем Святой земли, убит без вины, то есть те, чьей кровью его беспрерывно попрекают, не только что не внакладе — в немалом барыше. Как невинно убиенные, они, претерпев страдания здесь, на земле, после кончины немедля будут взяты к престолу Господню, на веки вечные избегнут куда более страшных мук Божьего суда¹.

А это прозрение писателя и зэка, монаха и теолога Николая Жестовского, главного героя «Царства Агамемнона» и собственно автора этого романа в романе:

...Вот он, Сталин, соорудил огромный алтарь и, очищая нас, приносит жертву за жертвой, необходимы гекатомбы очистительных жертв, чтобы искупить наши грехи. ...Он делает все, чтобы нас спасти. Невинные, которые гибнут, станут нашими заступниками и молитвенниками перед Господом, оттого и нам необходимо, пока мир не отстал от антихриста, помочь им спастись от греха, то есть места на земле им так и так нет. Главное же — они, приняв страдания здесь, будут избавлены от мук Страшного суда (ЦА 155).

Получается, что Сталин в своем роде спаситель.

Конечно, по логике шаровских героев, Иван Грозный и Иосиф Стальной — адские отродья, через них сатана правит свой бал на земле. Но недаром и самому сатане Бог позволяет овладеть землей перед своим вторым и окончательным пришествием, чтобы спасти как можно больше душ и забрать их в Царствие Небесное. Такое вот любовное сотрудничество Творца с Ненавистником. Сатана, быть может, и не ведает, что творит, просто давая исход своей злобе и жажде власти, но рядом с ним и чуть ли не благословляя его идет Христос, попуская свершиться наибольшему злу как наибольшему добру.

Своими собственными руками убивая праведников, плодя и плодя новых мучеников, мы не просто готовим конец сатане, мы сами

¹ Шаров В. Царство Агамемнона. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. С. 227. (Далее в тексте ЦА и номер страницы.)

себя спасаем. Это несомненно. Тут и спорить не о чем. Потому что из слов вашего отца [Жестовского] ясно следует, что пусть невинно убиенные и уходят, лежат где-то во рвах и на кладбищах возле больших и малых зон в тундре, на болоте — колышек с перекладной и номер, — но народ, будто он есть чаша, капля за каплей собирает их святость, и уже скоро, совсем скоро, ничего не расплескав, до краев себя наполнит (ЦА 265).

Этот теологический выверт — не фантазия, он отражает не только отчаянные поиски апокалиптических смыслов у интеллигенции сталинских лет, но и умонастроения в современной православной среде. Ольга Дунаевская, жена В. Шарова, вспоминает, что толчком к последнему роману стали слова хорошего знакомого семьи, православного и воцерковленного. Когда речь зашла о сталинских репрессиях, он сказал: «Да, все страшно, но зато теперь у Русской земли много молитвенников перед Господом. Столько святых-страстотерпцев, сколько дало сталинское время, Россия еще не знала»¹. По этой скорбно-просветленной логике, «небеса жаждут» пролития крови невинных, чтобы они оттуда могли молиться о тех, кому выпало остаться на земле.

Жестовский поначалу воспринимает большевизм, сокрушающий храмы, как пришествие Антихриста, но в какой-то момент прозревает, поскольку это антихристово государство и воплощает наиболее последовательно Божью волю, а значит, необходимо сотрудничать с ним, доносить, быть искренним на допросах.

«В людях накопилось чересчур много зла; чтобы нас отомстить, спасти, божий мир должен до краев наполниться благодатью. То есть необходимы тысячи тысяч новых святых и великомучеников. Государство, которое заставляет нас давать показания на будущих невинно убиенных, и мы, которые их даем, сообща творим эту искупительную жертву. Несомненно, — закончил он тогда, — Высшей силе она угодна» (ЦА 258–259). И сам Жестовский со рвением помогает органам творить эту всенародную искупительную жертву:

¹ См. воспоминания О. Дунаевской на С. ??? настоящего сборника.

он пошел в ГУЛАГ не один, потянув «за собой почти девяносто других несчастных» (ЦА 313).

Таково круговращение у Шарова: взаимоспасение убийц и убиенных. Истребляя невинных, я спасаю их для жизни вечной, а значит, и сам спасаюсь. Где ад, там и рай. Где падение, там и вознесение. Не нужно изобретать никаких особых средств для стяжания рая — они даны в орудиях пыток, в истязательном мастерстве, в подвигах палачей... Все слагаемые русской истории, от крайнего атеизма до крайнего фанатизма, от большевиков, строящих земной рай (но превращающих его в ад), до сектантов, проклиняющих все земное и жаждущих мученичества, сходятся в этой новонайденной формуле спасения: безвинное страдание вплоть до смерти — средство стяжания высшей жизни.

ЧК и общее дело воскрешения. Теология плюс техника

В «Бесах» Достоевского Шигалев, теоретик революции, объявляет: я начинаю с бесконечной свободы и прихожу к бесконечному деспотизму. Герои Шарова, такие как Жестовский и Сметонин, открыли обратную формулу: они начинают с безграничного деспотизма и приходят к вечной благодати. Конечно, этот совершенный двигатель взаимоспасения нуждается в непрерывном росте производительности. Самая большая страна добивается лишь одного — дальнейшего расширения своих владений на весь земной шар, а потенциально и на космос. Отсюда мечта о мировом коммунизме. Для пополнения резервов святости и убыли населения число страдальцев должно расти, поскольку чем успешнее работает эта модель, тем больше людей обретает блаженную жизнь. Естественным рождением эту убыль не восполнить, потому что истощается земля и вследствие страданий, болезней, потерь мужского населения сокращается рождаемость, поэтому механизм пополнения — захват новых земель, причем прилегающих, чтобы прямо перенести на них удел страдальчества.

Другое средство возрастания священного царства, наряду с геополитикой — *хронополитика*. Здесь иудео-христианская

магистраль дополняется у Шарова учением Николая Федорова, главного русского реформатора Священного Писания. Как замечает Шаров в эссе «Искушение революцией», когда исполнится федоровское учение, «свершится главное — вся земля станет уделом русского царя и тем в мгновение ока обернется единой, неделимой Святой землей. Землей, какой она была до грехопадения и изгнания Адама из Рая»¹. Но главное — расширение не в пространстве, а во времени за счет воскрешаемых предков — сотворение *теохроноса*. Казалось бы, федоровское учение авангардно и технократично и предполагает высокий уровень овладения техникой с целью собирания праха предков и их рукотворного воскрешения. Но при этом воскрешение мыслится как чисто репродуктивный акт: отцы рожают сыновей, а сыновья возрождают отцов, то есть вектор времени обращается вспять. Очевидно, что предки принесут с собой и свой архаический кругозор, свое мировоззрение прошедших тысячелетий — мифологическое, магическое, анимистическое. Отсюда и постепенное прекращение естественной рождаемости, которая путем скрещивания разных генов ведет к эволюционным скачкам; главным средством воспроизводства населения в федоровском проекте станет не рождение детей и смена поколений, а воскрешение предков. И оно же диктует новую форму геополитики — космополитику, освоение других планет, что будет продиктовано необходимостью расселять предков, переполняющих Землю. Опять-таки речь идет не о новых формах разума, не о творческой эволюции человечества, а об однородном во времени и пространстве, но при этом саморасширяющемся священном царстве.

Федоровская тематика столь важна для Шарова оттого, что вписана в священную русскую историю и особенно конкретно — в советский период. Если воспетая Жестовским литургия массовых репрессий рассчитана на то, чтобы убивать невинных и спасать их для Царствия Небесного,

¹ Шаров В. *Искушение Революцией* (Русская верховная власть). М.: Arsis-Books, 2009. С. 32.

то федоровская техника предназначена действовать в обратном направлении, возвращая их в земную жизнь, в частности оживляя Ленина и его сподвижников, старых большевиков, которые отстали от сталинских темпов и должны уйти в распыл, но в будущем еще пригодятся. Собственно, чекистский ритуал допросов, исповедей, взаимной слежки и доносов преследует цель создать полную картографию личности, включая отпечатки пальцев, подписи, детали биографии, кто с кем где когда — чтобы создать карту последующего оживления. Чекистские тюрьмы — это, по сути, федоровские музеи, предназначенные для воскрешения тех, кого уничтожает ГУЛАГ. Прежде чем отправить души невинно убиенных в иной мир, чекисты заботятся об их последующем воскрешении, собирая мельчайшие детали в величайший архив. ЧК — это, как сейчас бы сказали, огромная информационная корпорация доинформационного века, сталинский Гугл, собрание базы «больших данных» (big data) — задолго до компьютеров и интернета.

В романе «Репетиции» следователь Челноков говорит Кучмию, литературоведу, профессору:

Мы, чекисты, хотим и спасем вас, таких же, как вы... Мы, чекисты, спасаем этих обреченных. Все те, кто пройдет через наши руки, спасутся. Мы воскресим и многих из уже погибших. Год назад я добился папок для новых дел. На них написано: «Хранить вечно». Подозреваемые боятся их как огня. Они уверены, что из-за этой надписи мы, будто в аду, станем расстреливать их изо дня в день до скончания века. Какая чушь! Так они обречены, а эта надпись сохранит их, не даст сгинуть¹.

Так вращаются эти жернова: спасенные души невинно убиенных уходят туда, а тела воскрешенных поступают сюда, и тем самым святое царство устанавливается в пространстве обоих миров: и как спасение души, и как воскрешение тела, следуя иудео-христианской эсхатологии, вобравшей федоровское «общее дело». Недаром в шаровском романе

¹ Шаров В. Репетиции. Мне ли не пожалеть... Романы. М.: Наш Дом — L'Age d'Homme, 1997. С. 15.

«До и во время» Сталин принимает решение о начале массового террора по наущению своей матери мадам де Сталь, рьяной последовательницы Федорова, которая убеждает его, что погибших легко будет воскресить:

...смерть, которой умрут люди, убитые по его приказу, — не настоящая, это как бы смерть понарошку, смерть как в сказке; настанет коммунизм, настанет время, когда погибшие ни для чего не будут помехой, и тогда, как и говорил ее учитель Федоров, все они будут возвращены, воскрешены, все восстанут из пепла¹.

Смерти нет, философия общего дела преодолевает смерть; греха нет — чекистские пытки приводят душу к блаженству. Кстати, пытки есть и форма глубинного познания тела и души, вплоть до «подноготной» — отсюда пыточная этимология этого термина. В пытках тело полностью выдает себя, создавая совокупность «следов» — «музей» для возможного воскрешения того же самого замученного тела.

Таким образом, священное царство распространяется в обе стороны от границы жизни и смерти, соединяя теологию и технику: грешные превращаются в сонм святых и уходят на небо, а потом, уже заново воплотившись, возвращаются обратно.

Таков, по Шарову, религиозный смысл русской истории — это вечный двигатель взаимоспасения убийц и убиенных, грешников и святых, живых и мертвых, двигатель, который работает сам от себя.

У теологии террора намечается некоторое сходство с исламом, с политикой джихада и шахидства. Одновременное уничтожение и себя, и врагов Аллаха тоже прямиком ведет в рай, где шахида ожидают девственные гурии. Та же логика убийства-жертвы-спасения, вывернутая наизнанку. Но при этом очевидна и громадная разница. Ислам поощряет убийство неверных — но не ради их спасения: их ждет прямая дорога в ад. В теологии российского террора все обстоит иначе. Нужно убивать своих же, православных — и вместе с ними, по-братски обнявшись, подниматься на небо.

¹ Шаров В. До и во время. М.: ArsisBooks, 2009. С. 302.

Если в исламе — однонаправленное действие меча, то здесь — именно вращение жерновов: убивая тебя, я тебя спасаю, а значит, хоть я и убийца, сам буду спасен. Эта чудотворная логика возможна только на христианской почве, но при полном попрании ее. Это поворот еще более радикальный, чем от Ветхого Завета к Новому. Это уже не ненависть в ответ на ненависть и не любовь в ответ на ненависть, а ненависть как высшее проявление любви. Врагов нужно любить и благословлять, а значит, творить милость, уничтожая их. Убийца в объятиях убиенного вместе возносятся к блаженной жизни. Жестокость — это и есть милосердие. Разве большевики хотели погубить мир? Нет, спасти его от его собственных грехов. «Мировой пожар в крови — Господи благослови». Большевики повели красное воинство на борьбу за мир для его же спасения. Такова эсхатология Блока, а также А. Белого в его поэме «Христос воскрес». Это логика не прямой линии, раздела добра и зла, как в исламе, а «красного колеса», которое вращается так, чтобы возносить одновременно в братских объятиях и жертв, и палачей.

Подведем промежуточный итог. У героев Шарова действует такая логика, или теологика: Россия — святая земля, третий Рим, или второй Иерусалим, что ознаменовалось строительством Нового Иерусалима под Москвой по замыслу и воле патриарха Никона. С другой стороны, его противники, раскольники, считают, что Антихрист уже пришел на землю и что российское государство и даже православная (никонианская) церковь уже во власти сатаны. Остается объединить две эти теологемы, что и происходит в романах Шарова — в образах его раскольников-большевиков, священников-сексотов. Да, сатана уже правит на этой земле, но за ним по пятам идет Христос и душу каждой невинной жертвы немедленно отправляет в царство блаженных. Полярность Христа и Антихриста как бы стирается, точнее, это два смысла одних и тех же деяний.

Здесь достигает предельной плотности и конденсации бинарность русского культурного кода, о которой писали

Ю. Лотман и Б. Успенский¹. Плюс и минус, святое и кощунственное не просто переворачиваются во времени, как в периоды революций. «И я сжег все, чему поклонялся, поклонился всему, что сжигал». По логике шаровских истязателей-мучеников, сжигать — и значит поклоняться. Одно есть другое. Полюса уже не сменяются, а слипаются. Антихрист как бы не предшествует Христу, а выполняет волю Христа. Теодицея сливается с сатанодицеей.

Великий Инквизитор и шаровские исповедники сатаны

Собственно, сатанодицею можно найти и в монологе Великого Инквизитора, который становится на сторону дьявола в его попытках искусить Иисуса на благо человечества. Дьявол, по мысли Ивана Карамазова, любит человеческий род, нисходит к его слабостям и потому может считаться его истинным спасителем, тогда как Христос, даровавший свободу людям, обрек их на страдания свободного выбора. Однако в сравнении с Иваном Грозным и Сталиным как «спасителями» в восприятии шаровских героев, Великий Инквизитор — слабак и недоучка. Суть в том, что Великий Инквизитор, как и сочинивший его Иван Карамазов, не верит в Бога и его небесное царствие, а потому и требует полного счастья для человечества на земле — ценой духовных страданий многих правителей, посвященных в страшную тайну, что Бога нет. Шаровские же исповедники сатаны, вроде Жестовского и Сметонина, знающие, что мир в его руках и призывающие сотрудничать с ним, истово верят и в Бога, и в его небесное царствие. Именно поэтому жизнь на земле и должна превратиться в ад — чтобы обеспечить наибольшее число страсто-терпцев, невинных душ, воссияющих над Россией.

Теократическая и вместе с тем атеистическая формула Великого Инквизитора: нет Царствия Небесного, но во имя счастья людей должно быть построено земное царство

¹ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Труды по русской и славянской филологии. Т. XXVIII: Литературоведение. К 50-летию профессора Бориса Федоровича Егорова. Тарту, 1977. С. 3–36.

сытости, всеобщего благополучия и довольства. Формула Жестовского: небесное царство есть, и чтобы его обрести, нужно претерпеть муки в этой жизни, очиститься от всех грехов через смерть невинных. Поэтому жертвы и палачи совместно творят свое богоугодное, спасительное дело, свою литургию во славу сатаны, за которым стоит сам Христос. Счастливые невинные младенцы Достоевского превращаются в мучеников невиданно жестоких и массовых репрессий у Шарова, а Великий Инквизитор, ради счастья людей берущий на себя муку знания о том, что Бога нет, превращается в Грозного или Сталина, создавших на земле ад, чтобы подвинуть души невинно убиенных на спасение в иной жизни. Превращенная в пыточную Россия одновременно служит прачечной, отмывающей людей от грехов их собственной кровью и переправляющей в мир иной. Между спасителем и спасаемыми — полная гармония: одни дают беспрепятственно себя убить, молясь на своего палача, а другие пытаются и казнят, выполняя миссию спасения человеческого рода. Такова трансформация сатаноидицеи у Шарова.

Смердяков и его апологеты

Еще один персонаж Достоевского, который органично входит в романый мир Шарова, — Смердяков. Казалось бы, между Великим Инквизитором и лакеем Смердяковым лежит бездна. Но недаром они связаны фигурой Ивана Карамазова: Великий Инквизитор — это его возвышенная фантазия, а Смердяков — повседневная реальность, но оба выступают как проекции Иванова атеизма, то есть теоретического и практического богоубийства и отцеубийства. Смердяков, следуя за мыслью Ивана, не верит в Бога и убивает отца; Великий Инквизитор, порождение мысли Ивана, не верит в Бога, пытается заменить его на земле и казнить самого Христа. Общее между ними еще и то, что, стремясь к благоденствию своих братьев, а в случае Великого Инквизитора — всех смертных, они берут на себя все страдание, всю вину за преступления, а потому предстают как своего рода благодетели и спасители человечества.

Такой сдвиг в понимании образа Смердякова намечен в мистическом трактате «Роза мира» Даниила Андреева, где глубина падения в ад соотносится с высотой последующего подъема личности в мирах восходящего ряда. У Д. Андреева прорывается жуткая догадка, что Смердяков — восходящая фигура русского пантеона, что Петр Верховенский (из «Бесов») и Павел Смердяков суть апостолы «Петр и Павел» новой, адской духовности, которая «спасает братьев своих» пролитием крови...

Один из первых эпизодов нашей дружбы с Володей Шаровым: весной 1980 года мы встретились ради «Розы мира» Даниила Андреева — не помню, кто кому передал этот самиздат. «Роза мира» произвела на Володю сильное впечатление, но не свернула его с главного пути, который он считал магистралью русской истории: ветхо-новозаветной. Универсализм и синкретизм (или синтетизм) андреевской интеррелигии, многообразии метакультур, каждая из которых имеет свое духовное ядро и сонмы святых, оказались чужды Шарову, который видел в русской истории прежде всего своевольную импровизацию на иудео-христианскую тему. Тем не менее один мотив Андреева, как мне кажется, был усвоен Шаровым. Мотив маргинальный, но именно поэтому подчеркнuto сближающий Шарова с Андреевым, а именно высочайшая роль лакея Смердякова в историческом и сверхисторическом бытии русского мира. «Иван Карамазов и Смердяков достигли Магирна — одного из миров Высокого Долженствования», — пишет Андреев. И дальше — о Смердякове и Петре Верховенском: «...у нас (во всяком случае, у читателя, обладающего метаисторическим мироощущением) возникает уверенность, что чем глубже спускались эти одержимые соблазном души, чем ниже были круги, ими пройденные опытно, тем выше будет их подъем, тем грандиознее опыт, тем шире объем их будущей личности и тем более великой их далекая запредельная судьба»¹.

Шаров тоже выделяет Смердякова среди всех персонажей Достоевского как главную, грандиозную, пророческую

¹ Андреев Д. Роза Мира. М.: Эксмо, 2017. С. 107.

для России XX века фигуру. По его предположению, именно Смердяков, а не Алеша Карамазов должен был стать героем продолжения «Братьев Карамазовых». «...Правда Алеши, допиши Достоевский роман, была бы еще одной полуправдой, потому что настоящая правда — она у Смердякова» (ЦА 361) — размышляет Жестовский. Ведь именно Смердяков пошел дальше всех своих братьев и совершил то последнее, «адское» действие — сначала отцеубийство, а потом и самоубийство, — о котором они только рассуждали, к которому примерялись, которое оправдывали или проклинали. Именно из Смердякова вышла вся поросль революционеров, террористов, героев дела, готовых отдать душу за братьев своих.

Удивительно, что в исторических анналах XX века Шаров нашел реального деятеля, который вдохновлялся Смердяковым и отождествлял себя с ним. Гавриил Мясников (1889–1945) упоминается в «Возвращении в Египет» и становится одним из главных героев «Царства Агамемнона». Это недооцененная фигура русской революции: он участвовал в убийстве Великого князя Михаила, наследника престола, тем самым оборвав династическую линию; после революции — лидер Рабочей оппозиции в РКП(б); при Сталине сидел в тюрьме, бежал из СССР, в декабре 1944 года вернулся, был арестован и в ноябре 1945-го расстрелян. Еще до революции, в Орловском центре Мясников, «прочитав всю классику, пришел к выводу, что благороднее Смердякова в русской литературе никого нет и никогда не было». С ним он и отождествляет себя. «Вот я атеист-смерд, а там православные христьяне, Достоевские, Алеши и Мити Карамазовы. Это они поют „Христос Воскрес“, избив меня нещадно за то, что я не хочу им подпевать. И не потому ли во мне так ярко кипит негодование против Достоевского, оплевавшего атеиста-смерда? Не потому ли я так остро воспринимаю всю мерзопакость Достоевского?» (ЦА 618–619). Так пишет Шаров о Мясникове, во многом его повторяя и перефразируя, — а вот собственные слова этого последователя Смердякова из его книги «Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова» (написана в Париже в середине 1930-х):

Теперь время смерда. Сам смерд берется решать свою судьбу. Он разоряет дворянские гнезда, он идет на сокрушение промышленного феодализма, он трясет основы поработительского строя... Достоевский — охранитель помещичьего строя, с величайшим презрением и брезгливостью впустил он смерда в свою комнату, и пустил его для того, чтобы опоганить его, превратив этого смерда, вкусившего от древа познания добра и зла, в полное собрание всех мыслимых пороков, дабы напугать либеральствующих и умствующих лукаво Иванов Карамазовых. Надо реабилитировать Смердякова от гнусностей Достоевского, показав величие Смердяковых, выступающих на историческую сцену битвы свободы с гнетом, попутно рассказав всю правду о поработителях — богах¹.

На этом примере видно, как причудливо литература сплетается с реальностью: персонаж переходит из книги в историю, чтобы потом из истории перейти в другую книгу. Такова трансмиграция Смердякова-Мясникова из романа Достоевского в роман Шарова. При этом их соединение, своеобразное двойничество позволяет раскрыть глубочайшие смыслы русской истории, намеченные Достоевским, явленные в революционном движении и затем по-новому осознанные Шаровым. Почему Смердяков воплощает дух русской революции больше, чем другие Карамазовы? Смердяков убивает отца, бросает вызов его деспотизму без всяких обличительных речей, без материально-юридических претензий Дмитрия, без презрения Ивана к сладострастному старикашке, без суетливых попыток Алеши примирить отца с братьями, — убивает просто, освобождая их от отцовского деспотизма. Убивает так, как Раскольников мечтал бы убить старуху — не дрогнув, не задавшись вопросом, имеет ли он право. В этом Смердяков становится прообразом революционного движения, терроризма и бесовства, даже более глубоким и страшным, чем Петр Верховенский, который учит убивать по идее. Карамазовы, эти философствующие аристократы духа, в конечном счете оказываются марионетками

¹ Мясников Г.И. *Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова* / Публ. Б.И. Беленкина, В.К. Виноградова // *Минувшее: Истор. альм.* [Вып.] 18. М. : Atheneum; СПб.: Феникс, 1995. С. 73–74.

Смердякова; им движет страшная умная воля, он готов идти в самый ад, положив душу «за други своя».

Пойти в ад ради спасения — этот мотив есть и у Дмитрия Карамазова: воспеть гимн из своего подземелья, восславить Господа из ада. «За всех и пойду, потому что надобно же кому-нибудь и за всех пойти» (глава «Гимн и секрет»). Но Дмитрий бежит от своей миссии, от русско-сибирского ада. А «за всех» идет отцеубийца и самоубийца Смердяков — и идет не на каторгу, а именно в глубины преисподней, где даже нет и Бога, чтобы восславить Его. Через Смердякова раскрывается адская воронка, дно мироздания. Знаменательно, что он страдает эпилепсией, наделен этой «божественной болезнью», как и князь Мышкин, и в этой черте странного сходства между «князем Христом» и сподвижником дьявола (который после самоубийства Смердякова, как бы сменив облик, тут же является Ивану) обнаруживается характерная религиозно-революционная идея: невозможно достичь царства Господня без сошествия в ад, вслед за Христом. Поэтому и миссия Мышкина проваливается, и ей приходит на смену другая — миссия Смердякова.

Вслед за Ф. Достоевским и Д. Андреевым Владимир Шаров в своих романах доходит до границ русского теологического воображения, переворачивая верх и низ, греховность и святость и представляя всю эпоху революционного террора как опыт сошествия в ад ради последнего освобождения души.

Адов завет

Образы ада в самом деле вдохновляли первых русских революционеров и террористов. В 1860-х годах в Москве под руководством Николая Ишутина как ответвления «Земли и воли» возникли два тайных общества: «Организация» и «Ад». Если «Организация» занималась революционной пропагандой, то «Ад» был глубоко законспирированной террористической группой. Самый известный ее участник Дмитрий Каракозов в 1866 году совершил неудачное покушение на Александра II.

Эта тема взаимосвязи революции и сектантства, советско-го строя и апокалиптических ересей неожиданно всплыла в 1980-х годах как своего рода обращение к истокам коммунизма в предчувствии его наступающего конца. Здесь мне хотелось бы вернуться к темам нашего общения с Шаровым. В те годы я ездил в религиозно-научные экспедиции, изучал старообрядцев, свидетелей Иеговы, адвентистов и другие течения народной веры. И тогда же писал книгу «Новое сектантство» (1984–1988), которой делился с Володей, как и он делился со мной написанным. Теперь, читая «Царство Агамемнона», я не могу отделаться от ощущения, что наши представления о путях русской «адской святости» пересекались еще тогда, в последнее советское десятилетие. Позволю себе привести выдержку из «Нового сектантства», из раздела «Религиозно-атеистические секты», где речь идет как раз о скрытой теологии революционного движения, особенно в его самых радикальных, террористических составляющих, из которых вышла описанная Шаровым сатанодицея советской эпохи. Это религиозно-атеистическое движение зародилось в России в 60-х годах XIX века и составило затем ударный отряд различных революционных партий.

В некоторых народно-христианских сектах особенно почитались согрешившие, то есть взявшие на себя наибольшую часть всечеловеческого греха. «Это они взяли на себя наш грех и за нас кару Господню понесут», — говорили даже о закоренелых убийцах. Это движение, христианское в своем истоке, порою даже направлялось против Христа, которому ставилось в укор то, что он не грешил с грешниками — хоть и снизойдя к мытарям и блудницам, не облекся до конца в их тьму. Русская жажда всеобщей справедливости обострялась до того, что быть среди грешников и не грешить, сострадать падшим и не пасть самому воспринималось как измена всечеловеческому братству (Н. В. «Из исследований по русскому сектантству»).

...В отличие от христианских мучеников, радостно всходивших на Голгофу и сораспинавшихся Иисусу, революционные мученики шли дальше — они брали на себя смертный грех убийства и спускались в ад, чтобы претерпеть там ради грядущего человечества

жесточайшие муки: не муки распинаемой плоти, но муки души, взявшей на себя Каинов грех. Революционеры, по крайней мере лучшие из них, более походили на святых, чем слабоверующие их современники, церковные прихожане. Они не стояли на страже своей души, не боялись потерять ее — по слову Христа: «потерявший душу свою ради Меня сбережет ее» (Мф 10:39). Они убивали не ради личной выгоды, мести, обогащения, власти — они приносили душу свою в жертву за спасение ближних. Из орудия ненависти и низменных распрей они превращали убийство в орудие любви и соединения людей. Уничтожая тиранов, они облегчали их небесную участь, а их жертвам, освобожденным от тирании, они облегчали участь земную. Они дерзали не только вместе с Христом восходить на Голгофу, но и вместе с Христом спускаться в ад. Ведь Тот, кто принял на себя грехи мира, не мог не принять на себя и все страдания, положенные грешникам. И если муками Голгофы Он искупил живых и победил смерть, то муками Шеола Он искупил мертвых и победил ад. Революционер тот, кто готов шагнуть не только в инквизиторский костер, но и в адский огонь (Б. С. «Религиозное оправдание большевизма»).

...Внутри каждого революционного общества был свой собственный «Ад» — группа людей, твердо знающих, какой посмертный путь предстоит их душе... Чтобы не вызывать подозрений, членам «Ада» предлагалось сделаться пьяницами, развратниками — и они становились ими, хотя оставались чистейшими и трезвейшими людьми. Они брали на себя этот грех... Лиц, вызывавших недовольство крестьян, члены «Ада» обязаны были уничтожать, а также карать смертью тех деятелей «Общества», которые отклонялись от революционного пути в сторону компромиссов... Эти люди, видимо, уже побывали в аду и хотели вернуться в него навеки (Л. С. «К теологии нечаевщины»)¹.

Эти выдержки из «Нового сектантства» показывают, насколько близко соприкасались наши мысли о религиозной природе революции еще в 1980-х, когда Володя начинал свой путь как прозаик. Тогда, по мере обветшания и истления

¹ *Эпштейн М.* Новое сектантство: Типы религиозно-философских умонастроений в России (1970–1980-е годы). Самара: Бахрах-М., 2005. С. 105, 107–108.

коммунизма, обнажалась эсхатологическая основа этого проекта: превратить землю в ад, чтобы построить на ней рай. Основная мысль раскольников: Антихрист уже пришел, весь мир лежит во зле; официальная церковь — часть этого антихристового мира, значит, и она, вместе с государством, достойна разрушения. Большевиков и раскольников роднил этот пафос всежигания существующего мира: и светского, буржуазного, и церковного, поскольку они заодно с государством-антихристом. Для них государство и церковь — две головы Змия, которые надо отсечь, чтобы войти в рай.

Преемственность и духовное родство раскольников и революционеров — лейтмотив предпоследнего шаровского романа «Возвращение в Египет» (2013), где предпринята попытка завершить сожженный второй и не написанный третий тома «Мертвых душ», над которыми трудятся потомки Гоголя. Проходя все круги чистилища и рая, Чичиков, под воздействием Муразова, становится старовером и кладет все свои силы на восстановление святой Руси и строительство небесного Иерусалима, поднимаясь до сана старообрядческого епископа. Постепенно он приходит к мысли, что именно вольнодумцы-народники глубже всего воплощают религиозный дух истинного христианства, — и присоединяется к революционерам, укрепляя их союз с раскольниками, «вплетает подпольные ячейки народников, всю нелегальную сеть „Земли и воли“ в полог, который ткут для Девы Марии бегуны и странники»¹. Наконец он приходит к пониманию замысла Всевышнего, который «именно из них, из землевольцев и революционеров, намерен сделать Себе новый избранный народ» (ВЕ 311). В главе «Завершение Земного Рая», то есть в конце предполагаемого третьего тома «Мертвых душ», Чичиков, уже почти святой, подписывает завещание, по которому «весь капитал целиком и полностью должен отойти на нужды мировой революции, которая навсегда сметет с лица земли ненавистную антихристову власть, а то, что останется, [будет] издержано на строительство коммунизма» (ВЕ 312).

¹ Шаров В. Возвращение в Египет. М.: АСТ, 2013. С. 306. (Далее в тексте ВЕ и номер страницы.)

Казалось бы, мысль совершенно фантастическая — но подкрепленная и духом, и фактами русской истории. Недаром сподвижник Ленина В. Бонч-Бруевич так много занимался раскольниками, духоборами, хлыстами и прочими сектантами, налаживая их связь с революционным движением¹.

Александр Дугин как возможный персонаж Шарова

Один из лейтмотивов Шарова — вера в то, что история Запада делается по Священному Писанию. А к таинству русской истории причастны и великие русские книги. Некоторые из них остались недописанными, и от того, как сложилась бы судьба их героев, зависят последующие пути отечества. Персонажи «Возвращения в Египет», как сказано выше, пытаются дописать те тома «Мертвых душ», где герой, вырвавшись из ада первого тома, должен взойти в рай, как бы посылая благое заклинание будущему России. А дописывая «Братьев Карамазовых» и отдавая в нем ведущую роль Смердякову, герой «Царства Агамемнона» раскрывает другое измерение той эпохи, свидетелем и участником которой был: торжество смердов, людей без веры, но способных убивать и идти на самое дно ада во имя братьев.

Если взглянуть под таким углом на творчество самого Шарова, возникает несправедливый вопрос: кто мог бы стать героем его десятого, ненаписанного романа, в котором соединились бы, на вполне реальной основе, мотивы предыдущих? В качестве продолжения траектории российской истории уже в постсоветское время напрашивается образ известного теоретика и деятеля национал-большевизма и евразийства, старообрядца Александра Дугина. Воззрения Дугина могли бы органически войти в романы Шарова наряду с идеями других его героев, теологически осмысляющих и оправдывающих террор.

Уже в зрелом возрасте Дугин сознательно присоединился к старообрядчеству, точнее, к той его ветви («единоверие»),

¹ Об этом подробно рассказывается в книге А. М. Эткина «Хлыст: Секты, литература и революция» (М.: Новое литературное обозрение, 1998). См. особенно последнюю главу «Бонч-Бруевич» (с. 631–674).

которая признает юрисдикцию Московской патриархии, — но не с целью присоединиться к ней, а с целью увести из нее как можно больше верующих в старообрядчество. А старообрядчество, как известно, отвергает все, что случилось с Россией после 1666 года, после никонианских реформ, которые воссоединили русское православие с греческим, но при этом подорвали веру в богоизбранность России и поэтому были восприняты массами населения как наступление царства Антихриста. С восторгом и умилением рисует Дугин самоожжение старообрядцев, противящихся «новой» вере:

...Матери бросались в костер вместе с новорожденными младенцами, сестры прыгали в пламя, взявшись за руки, мужчины плакали слезами восторга и безмятежной радости... Столь осязаемой, конкретной, плотски достоверной была для аввакумовских «русачков» их Святая православная родина, Русь Святого Духа, последнее Царство. В сравнении с этой реальностью обычная земная жизнь превращалась в ад; ее утрата была страшнее пыток и смерти. Неудивительно, что старообрядцы встречали с радостью палачей. Так они избегали еще и греха самоубийства¹.

Эта картина радостной встречи жертв с палачами очень напоминает проповедь «самоожжения», то есть раскольническое по духу превознесение ГУЛАГа у Жестовского в «Царстве Агамемнона»: «...Приняв страдания здесь, будут избавлены от мук Страшного суда. С этими мыслями, — закончил отец, — я и отсидел почти весь срок» (ЦА 227).

Старообрядческая самоидентификация Дугина не имела бы особого значения, если бы не соединялась у него с радикальным евразийством и национал-большевизмом, которые успешно влияют на постсоветскую политику. В западной прессе Дугина называют «мозгом Путина», и он уже много лет преподает геополитику в Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил. У него впечатляющий набор титулов: лидер Международного евразийского движения, почетный профессор Евразийского национального

¹ Дугин А. Русская вещь. «Яко не исполнилось число звериное» (2001). <http://arctogaia.com/public/rv/47.shtml>.

университета имени Л. Н. Гумилева и Тегеранского университета. По книгам Дугина «Основы евразийства» и «Основы геополитики» обучаются высшие чины Генерального штаба, которые переводят его лозунги в стратегемы. Это он, Дугин, в начале крымских и донбасских событий изрек, обращаясь к студентам МГУ, где преподавал на факультете социологии: «Убивать, убивать и убивать — это я как профессор вам говорю»¹. То, что такой фантастический человек существует, более того, является признанным лидером, по сути, государственной идеологии, нагляднее всего доказывает, насколько жизненны историко-эсхатологические построения Шарова.

Трудно, да и ненужно пересказывать здесь идеи Дугина, автора десятков книг и сотен статей и манифестов, которые сближают его с героями Шарова. Остановимся на одном моменте — на отношении к Андрею Платонову, которого Шаров считает главным для себя писателем XX века: «...На всю первую половину русского XX века я давно уже смотрю через Платонова и понимаю ее в первую очередь благодаря Платонову»². А для Дугина Платонов — это главное воплощение и оправдание той метафизической силы, которая заряжает весь советский и постсоветский мир и которую он в статье «Магический большевизм Андрея Платонова» (1999) называет национал-большевизмом. «Андрей Платонов один из главных культурно-исторических и философских аргументов национал-большевизма. Может быть — главный. Платонов и есть воплощение национал-большевизма во всех его измерениях»³.

Какое же откровение несет Платонов национал-большевизму? Это надрывное чувство неизбывной, мучительной, тоскующей пустоты. По Дугину, это и есть послание России миру — тайна самораскрывающегося ничто. Цитирую

¹ Цит. по.: Гайдученко Л. Философия пожизненного узника. Исповедь, произнесенная на кладбище духа. Litres. 2017. <https://books.google.com/books?id=6Q3UDAAAQBAJ&pg=PT193&lpg=PT193&dq>.

² Шаров В. О «Записных книжках» Андрея Платонова // Шаров В. Искусшение революцией. С. 59.

³ Дугин А. Магический большевизм Андрея Платонова (1999). <http://arctogaia.com/public/platonov.htm>.

Дугина: «Тоска — это донное содержание Революции, давящий изнутри, невыносимый груз. „Дванов опустил голову и представил внутри своего тела пустоту, куда непрестанно, ежедневно входит, а потом выходит жизнь, не задерживаясь, не усиливаясь, ровная, как отдаленный гул, в котором невозможно разобрать слова песни“». И дальше Дугин комментирует: «Пустота в теле, пустота в сознании, пустота в сердце... Дванов, герой „Чевенгура“, думает: если человек произошел от червя, от кишки, наполненной лишь липким мраком, то не таким ли должно быть и его духовное средостение? Именно: душа, открывающая свой подлинный аромат наличия ближе всего к пустым внутренностям полой земляной тягучей и бессмысленной трубки»¹.

Как ни удивительно, это и есть последнее и высшее откровение евразийской правды, явленной Дугину в героях Платонова. Весьма красочно и вместе с тем коряво, как размышляющий герой Платонова, переходящий в романы Шарова, он преподносит высшую цель России — превращение бытия в небытие. «Реальное столкновение с душой подобно откашливанию могильной глины, удушью, нестерпимым запахам разлагающихся трав, слиянию с пустым сознанием червя»².

У Фрейда, как известно, Эрос противостоит Танатосу. У Дугина Танатос — это и есть Эрос: «рассейское» рассеяние Эроса в мировой пустоте:

Особость великорусского пола в том, что он не направлен ни на себя, ни на другого, в нем нет ни либидо, ни нарциссизма. Русский пол взбудораженно бестелесен, это огнедышащее возбуждение покойников или духов камышей, вод, горящих скирд и овинов.

Русский пол веет насквозь, подхватывая по сбивчивому пути все подряд — портки, мужиков, товарищей, тараканов, раздутый, готовый лопнуть лежалый труп, попавшихся под руку отстиранных дев, отстреленные конечности, ослюнелых лошадей, свитый бурьян, серые обнажившие свои трещины почвы, косые или

¹ Дугин А. Магический большевизм Андрея Платонова (1999).

² Там же.

набелено-уютные постройки, бледную и мертвую Розу Люксембург... и бессовестную сердечную пустоту, утягивающую в плесневый колодец сердца огромное, расстроенное в его корневых узлах, краденное бытие¹.

Прежде всего, дугинская характеристика «великорусского пола» хорошо подходит Смердякову, еще раз демонстрируя, как концы сходятся с концами. «...Ты не человек, ты из банной мокроты завелся, вот ты кто», — говорит Смердякову воспитавший его слуга Григорий. Смердяков сделан из какой-то мертвой субстанции, и его вполне можно представить членом секты, исповедующей ненависть к миру. Достоевский отмечает его скопческие черты. «В ученье он пробыл несколько лет и воротился, сильно переменявшись лицом. Он вдруг как-то необычайно постарел, совсем даже несоразмерно с возрастом сморщился, пожелтел, стал похож на скопца. ...Женский пол он, кажется, так же презирал, как и мужской...» Вот оно, это «возбуждение покойников», каким выступает русский пол у Дугина, — без либидо и без нарциссизма. Вместе с тем у Смердякова есть страсть к обрядам, к своеобразной литургии: «В детстве он очень любил вешать кошек и потом хоронить их с церемонией». Удивительно сходятся в этом образе все черты обрядопоклонника без веры и возбуждения без пола: эроса как танатоса.

А в целом какое *красноречие* — в прямом и зловещем смысле этого слова! Ибо, по словам Дугина, «субъектом человеческого объекта делает только Красная Смерть»². В этом и состоит миссия национал-большевизма, в лице Дугина влившегося в евразийство: не просто натравить одни классы на другие, как произошло в марксизме (это необходимо, но этого недостаточно), а сделать это по-народному, по-платоновски, то есть вместе с враждебными классами и их поддельной культурой уничтожить все, что живет и дышит отдельно от небытия, ибо только через небытие можно обрести высшее единство со всем. Все остальное — преграда.

¹ Там же.

² Там же.

Именно таким Дугин видит Платонова и берет его в наставники. «Для нас Платонов — доктрина. Мы берем ее на себя и интеллектуально оправдываем все вплоть до прямого геноцида отчуждающих классов и рациональных структур. Мы принимаем как догму чевенгурское безумие... Мертвые сгрудились над нами, от них тесно и душно. История давит себя последней гадкой петлей»¹. Таков революционный урок — самоубийство, самоповешение истории на «горле» России.

Этот же платоновский мир ниспадающей плоти, обнажающейся души описывает и Шаров в своем эссе «Искушение революцией». Но революция для Шарова именно искушение, которое нужно пройти — и преодолеть. Он говорит о телесной истонченности платоновских героев: страшно их касаться, они могут рассыпаться в прах.

...Это начало нового мира было связано для них не просто с отказом от прошлой жизни, но с отказом от тела, от плоти — главных хранителей грязи, греха, похоти... Сектанты... как могли, умерщвляли свою плоть, чтобы духа, чистоты, святости в них становилось больше. ...Когда я его [Платонова] читаю, у меня все время есть чисто физическое ощущение, что он боится их брать, трогать по той же самой причине: плоть их настолько тонка и хрупка и они так слабы, что ненароком, беря, можно их повредить, поранить. И другое ощущение: какой-то невозможной стеснительности и стыдливости, потому что та самая душа человека, которая в обычное время спрятана за толстым и прочным слоем плоти, здесь почти вся обнажена, и ты стесняешься на это смотреть, стесняешься это видеть².

Шаров смотрит на платоновских, да и на своих героев, всех этих сектантов и мечтателей, как на заблудших христиан, которые подверглись самому большому искушению в истории — искушению революцией; но для них еще есть надежда, есть стеснительность в их обращении с плотью, есть духовная наполненность... Это глухая, заблудшая, самоистребительная

¹ Дугин А. Магический большевизм Андрея Платонова (1999).

² Шаров В. О «Записных книжках» Андрея Платонова. С. 28.

ветвь великого иудео-христианского ствола мировой истории. Персонажи Платонова, как показывает Шаров в своих размышлениях о нем, бесконечно хрупки и уязвимы: «...с каждым днем становится неизмеримо больше духа; он виден сквозь совсем разреженную плоть людей, которые едва-едва не умирают от голода, тифа, холеры»¹. Но им некуда девать этот обнажившийся дух, для него нет вместилища на этой земле, поскольку в Бога и в иную жизнь они не верят. Отсюда *двойное страдание*: изможденной, голодающей плоти и изможденного духа, который нигде не может найти себе прибежища, как у Вощева в «Котловане»: он постоянно отвлекаем своей душой и мыслью от практической жизни и коммунистического строительства, но это отвлечение не приносит ему радости, потому что душе и мысли не к чему прицепиться.

Поэтому остается либо путь Жестовского: принимать земной ад с верой в иную жизнь и спасительный смысл страданий; либо путь Дугина, для которого сама душа есть ничто, полая трубка, а растление вещества, измождение плоти, ад на земле, равенство бытия и небытия — высшая цель национал-большевизма. Дугин идет дальше Великого Инквизитора, который не верит в будущую жизнь, в небесное царство, но хочет создать рай всеобщей сытости на земле. Дугин идет дальше Платонова, который верит в построение коммунистического рая на земле и с тоской наблюдает его постепенное превращение в ад, сострадая его жертвам. Дугин идет дальше и шаровских героев, которые готовы принять ад на земле, возрадоваться ему и даже способствовать сатане в его создании, ради того чтобы провалиться в загробный рай, чтобы страданиями достичь спасения. Дугин же просто утверждает ад на земле, без всякого высшего продолжения и оправдания. Ничего другого не надо, кроме самого ада. Это и есть последнее слово апокалиптической революции: распространить подышающий Чевенгур на весь земной шар. «Зреет... прелюдия Нового Чевенгура, Последнего Чевенгура. Слышен в абсолютной

¹ Там же.

тишине, не предвещающей ничего, кроме полночи и океана Крови, таинственный поцелуй большевистской зари. Мы снова отберем у вас все. Не чтобы иметь, чтобы быть, чтобы ничего не оставить как есть, чтобы упразднить все отдельное и привести к тотальности Победы все общее, единое, Целое...»¹.

Какая всеобъемлющая, изощренная некро-эсхатология, воистину готовая обнять Целое по мере его превращения в ничто! Можно наглядно убедиться, что все эти Жестовские, Сметонины, Мясниковы у Шарова — это не гротескные фантазии, и Дугин, как персонаж следующего романа, мог бы вполне органически встроиться в их ряд и продлить его до полной победы небытия.

«Сатана» правит миром

Хотя хронология шаровских романов ограничена, как правило, советской эпохой, вектор исторического движения в них угадан точно и продолжает вычерчиваться и в постсоветское время.

Через два месяца после смерти Шарова (17 августа 2018) российская православная церковь резко свернула на путь раскола, решила отъединиться от всемирного православия, то есть стала по духу и юрисдикции старообрядческой, двинулась вспять от никоновских реформ XVII века, сблизивших русское православие с греческим, — а значит, и перестала быть «греко-кафолической», или «греко-русской», как она часто официально именовалась. «Правда старообрядчества», провозглашаемая Дугиным, одержала победу в РПЦ. Уже не только западный, католическо-протестантский, но и современный православный мир, и прежде всего «братский украинский», лежат во зле и предались Антихристу. 16 октября 2018 года синод Русской православной церкви

¹ Дугин А. Магический большевизм Андрея Платонова. (В данной статье мы не касаемся других аспектов мировоззрения Дугина, ограничиваясь его подходом к русской идее и всемирной миссии в преломлении творчества А Платонова, что позволяет предметно сравнить его с пониманием Платонова у В. Шарова.)

принял решение о полном прекращении евхаристического общения с Константинопольским патриархатом. Русская церковь, в XI веке отколовшись вместе с византийской от западного христианства, тысячу лет спустя, в XXI веке, уже на наших глазах отъединилась даже от западных братьев-православных и пошла по пути дальнейшего раскола, то есть своего рода самосожжения веры.

Шаров ушел, когда русский мир стал стремительно сдвигаться к катастрофе по сценарию его романов: «больше ада!» По этой логике мир станет «русским» не тогда, когда к нему отойдет еще несколько территорий ближнего зарубежья, а когда его (мира) вообще не станет. Развернется пустота или ядерное пепелище — и тогда все шаровские сектанты и страстотерпцы найдут свое место в конце истории, к которому они так упорно стремились. Владимир Шаров в большей степени, чем даже Андрей Платонов, — писатель апокалипсиса, который надвигается на планету от тех хорошо вооруженных «магов Великой традиции», которая видит в этом свое предназначение.

«...Мы как мученики попадем в рай, а они просто сдохнут — потому что они даже раскаяться не успеют»¹. Эта знаменитая фраза В. Путина о возможной ядерной войне вызвала поначалу смех зала, а затем всеобщее недоумение даже у его единомышленников. Что это — зловещая шутка, жестокое предупреждение, жест жертвенности или мстительности?

Легче всего понять смысл этой фразы тому, кто знаком с творчеством В. Шарова. Его герои — искатели конца света, мученики и гедонисты грядущего апокалипсиса, которые, в расколе со всем миром, сделали смерть человечества своим ремеслом.

Шаров наилучшим образом способен объяснить читателям во всем мире то, чего объяснить нельзя, — эту упрямую, абсурдную, но теологически оправданную волю «отдельной страны» к гибели всего. Ради этого начиная с Петра I осваивалась техника, наука, вся цивилизация, побочными —

¹ Новая газета. 18 октября 2018. <https://www.novayagazeta.ru/news/2018/10/18/146054-putin-posle-inostrannogo-yadernogo-udara-my-kak-mucheniki-popadem-v-ray-a-oni-prosto-sdohnut-dazhe-ne-uspev-raskayatsya>.

и, по сути, нежеланными — продуктами которой оказывались великая литература и великая музыка; потому что магистралью было возрастание энергии «антивещества», «антицивилизации», способной уничтожить мир. Ошибались те раскольники, которые почитали Петра врагом Святой Руси: обратившись за плодами цивилизации на Запад, он искал способа сделать Россию сильнее Запада.

Шаров позволяет проследить религиозные корни этой воли к апокалипсису, что вызывает особую тревогу сегодня, когда сатанодицея обретает достойное себя техническое воплощение. Ракеты класса «Сатана» являются самыми мощными из всех ядерных межконтинентальных баллистических ракет. По технологическому уровню этот комплекс не имеет аналогов среди зарубежных. Как грозно обещает российский ресурс, «на огромных территориях США и Западной Европы эти русские ракеты устроят ад»¹. Быть может, не случайно, а «промыслительно» «Сатана» производится тем ядерным центром России, который был сооружен на месте Саровской пустыни, где подвизался великий святой Серафим Саровский. А сам святой с 2007 года объявлен небесным покровителем ядерного оружия и его воинства². Федеральный ядерный центр в Сарове (засекреченном ранее под названиями «Арзамас-16» и «Кремлев») располагает штатом в десятки тысяч служащих и самым мощным в России суперкомпьютером, обслуживающим, в частности, и комплекс «Сатана». Так что глубинная взаимосвязь теологии и технологии ада подкрепляется трендами новейшей истории.

Книги Шарова, прослеживающие истоки отечественной сатанодицеи, могут служить иронико-гротескным комментарием и демотиватором к ракетам «Сатана»: вот это наш подарок вам, а из текстов вы узнаете — за что мы вас так сильно любим и почему желаем скорейшего конца.

¹ <https://fishki.net/1319407-satana---samaja-mownaja-jadernaja-mezhkontinentalnaja-ballisticheskaja-raketa.html>.

² <http://www.patriarchia.ru/db/text/290617.html>. А вот недавнее сообщение: «Федеральный ядерный центр в Сарове закупает партию икон» (24 мая 2019): <https://regnum.ru/news/society/2634444.html>.

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!..
Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Это «скифское» послание любви, обращенное А. Блоком к миру в 1918 году, В. Шаров дописал ровно сто лет спустя в своем «Царстве Агамемнона» (2018): «Антихрист — вот он уже... и, значит, сама Земля обетованная, наша земля со всем, что в ней было и есть, отдавшись сатане, сделалась нечистым царством» (ЦА 41). Из любви к братьям нашим, ко всему человечеству мы обязаны спасти его от него самого.

Можно посоветовать всем, и прежде всего политикам, прочитать книги Владимира Шарова, чтобы убедиться: с этой силой нельзя договориться, пойти на разумный компромисс, она коренится в природе Ига, Смуты, Третьего Рима, в самой природе Раскола, который во имя спасения жжет и губит. С этой силой нельзя мирно взаимодействовать, не потакая ей, не переполняя чашу смертельной любви, готовой излиться на весь мир...